
ФИЛОСОФИЯ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПРАВО

УДК 342.8

АБСЕНТЕИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ 1920-х гг.

М.С. Саламатова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: salamatova.m@mail.ru

Статья посвящена изучению абсентеизма в контексте становления советской избирательной системы 1920-х гг. На основе архивных материалов, материалов печати и статистических данных анализируются формы проявления и основные причины массового абсентеизма населения в начале 1920-х гг. Рассматривается отношение большевиков к неявке населения на выборы как показателю кризиса взаимоотношений с населением. Выявляются способы реакции власти на абсентеизм – от отмены результатов выборов и демократизации избирательной системы до использования административного ресурса.

Ключевые слова: абсентеизм, большевики, избирательные кампании, доверие населения.

ABSENTEEISM IN THE CONTEXT OF THE SOVIET ELECTORAL CAMPAIGN OF 1920S

M.S. Salamatova

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: salamatova.m@mail.ru

The article is devoted to study of absenteeism in the context of the Soviet electoral system formation of 1920s. On basis of archival, printing and statistical data author analyzes manifestations and main causes of mass population absenteeism in the early 1920s. We consider the attitude of the Bolsheviks in relation to the absenteeism of population as an indicator of the crisis of relations. Additionally we identify ways of the official response to absenteeism – from the cancellation of the elections and the democratization of the electoral system to the use of administrative resources.

Key words: absenteeism, bolsheviks, election campaigns, population trust.

Уклонение избирателей от участия в голосовании на выборах (абсентеизм) – широко распространенное политическое поведение граждан в современной России. Высокий уровень абсентеизма населения свидетельствует о кризисе взаимоотношений населения и власти. Степень доверия насе-

ния к власти определяет устойчивость существования любого государства. Современный политический кризис России – не уникален, с протестами на выборах, высоким уровнем абсентеизма столкнулись пришедшие к власти большевики в 1920-е гг., и с этой точки зрения советский электоральный опыт приобретает особую актуальность.

В отечественной историографии абсентеизм 1920-х гг. не изучался как самостоятельный сюжет. Советская историография рассматривала абсентеизм как негативное явление, проявление несознательности и незрелости масс, также изучались способы повышения активности населения на выборах [1, 26–28]. Современные исследователи в рамках работ, посвященных избирательным кампаниям 1920-х гг. или изучению их отдельных аспектов, также не проявляют выраженного интереса к абсентеизму как самостоятельному феномену советской электоральной истории [24, 25, 31–33].

Вместе с тем абсентеизм в контексте становления советской избирательной системы в 1920-е гг. является интересным сюжетом для исследования. Абсентеизм важен не только с точки зрения изучения форм его проявления, причин, но и эволюции взаимоотношений населения и власти на выборах, форм реакции большевиков на политическое бездействие избирателей.

Количество избирателей, принимавших участие на выборах в первой половине 1920-х гг., было незначительным как в городе, так и деревне. Точная статистика по количеству граждан, явившихся на выборы в первые годы советской власти, отсутствует, по фрагментарным данным наркомата внутренних дел число явившихся избирателей было невелико. Явка населения на выборы в сельсоветы составила в 1922 г. – 22,3 %, в 1923 г. – 37,2, в 1924 г. – 32,4 % (данные по 40 губерниям, в которых проводились выборы до отмены их результатов) [19, с. 11]. В городах РСФСР явка населения в 1922 г. составила 36,5 %, 1923 г. – 38,5, 1924/25 гг. – 40,5 % [2, с. 47].

Но даже эти показатели с большой степенью вероятности были значительно завышены. При массовой проверке, организованной в ходе выборов 1924 г. инструкторами ВЦИК, выяснилось, что в среднем по обследуемым волостям явка на выборы составила 28 %, хотя в некоторых волостях она не превышала 9 %. При этом протокольно зафиксированный показатель активности ставился под сомнение. Сотрудники ВЦИК отмечали, что «в протоколах фиксировалось больше избирателей, чем было в действительности, чтобы собрания имели большую юридическую законность и чтобы не созывать их повторно» [3].

Анализ архивных документов позволяет констатировать, что причинами абсентеизма в первой половине 1920-х гг. являлись как технические проблемы организации выборов, укоренившаяся традиция участия в выборах в деревне только глав хозяйств, так и вполне осознанное проявление протеста против применения на выборах жесткого административного ресурса.

В качестве технических причин, мешавших участию избирателей на выборах в первой половине 1920-х гг., называлось неудачное время проведения выборов. Так, в кампанию 1924 г. низкая явка крестьян на выборы объяснялась проведением выборных собраний в период уборки урожая – августе и сентябре. Изучение сотрудниками ВЦИК вопроса об удобном времени проведения выборов для населения привело их к парадоксальному

выводу – идеально удобного времени для проведения выборов в стране не существовало. С апреля по сентябрь большинство крестьян были заняты полевыми работами, в октябре – ноябре начиналась распутица, препятствовавшая явке крестьян на выборы. В зимние месяцы крестьяне были более свободны, но не хватало помещений для проведения выборных собраний, а на улице проводить собрания не позволяла морозная погода [4].

В качестве других технических причин, объяснявших высокий уровень абсентеизма, назывались дальность расположения участков для голосования и отсутствие помещений для проведения выборных собраний. Зачастую дальность расположения избирательных участков достигала 10–15 км, что конечно ограничивало число желавших принять в них участие, особенно это негативно влияло на явку женского населения. Так, сотрудники ВЦИК в ходе кампании 1924 г. зафиксировали ситуацию, когда в Керженской волости Нижегородской губернии участки были расположены в 10–15 верстах от многих деревень, в результате «из 66 населенных пунктов 54 непосредственного участия в выборах не принимало, вместо 5782 избирателей присутствовало 306, из них 14 женщин» [5].

Проблема поиска вместительных, освещенных, отапливаемых помещений была особенно острой в сельской местности. Поскольку выборные собрания в 1920-е гг. длились несколько часов, охватывая отчеты депутатов, обсуждение кандидатов, наказов и сам процесс голосования, соответственно выборные собрания требовали помещений, вмещавших несколько сотен избирателей. В помещениях зачастую не хватало мест, они были плохо освещенными и душными [5]. Идея провести 5–6 часов в тесном, неотапливаемом или, напротив, душном помещении не слишком привлекала население. Нередко не найдя подходящего помещения, организовывали собрание на улице, что существенно ограничивало время его проведения [6, 7].

Технические проблемы организации выборов власть постаралась решить достаточно оперативно. Для определения оптимального времени проведения выборов ВЦИК провел опрос местных советских работников. Руководители большинства регионов признали наиболее удобным временем проведения избирательных кампаний сезон поздней осени – начала зимы [4]. Проблему с неудобством расположения избирательных участков также решили быстро, разбив на более мелкие участки, максимально приблизив их к населению. Поиск просторных помещений был более сложной проблемой, но за счет дробления избирательных участков и распределения населения по ним в качестве помещений подходили просторные деревенские избы [8, 9].

Значительно сложнее обстояли дела с преодолением женского абсентеизма, связанного со сложившейся традицией участия в выборах только главы семьи. Возвращаясь к упомянутому отчету об обследовании, проведенном сотрудниками ВЦИК о выборах 1924 г., инструкторы ВЦИК повсеместно зафиксировали чрезвычайно низкую явку женщин на выборы в сельской местности, колебавшуюся от 1 до 11 %, в национальных республиках явка зачастую не достигала и 1 % [5].

В сельской местности отношение к участию женщин на выборах варьировалось от снисходительного (выражаемого в крестьянской среде «пусть и баба поучаствует») до отрицательного («не бабьего ума дело») и даже

враждебного. Резко негативное отношение к участию женщин на выборах особенно часто проявлялось в казачьих районах и автономных республиках. В отдельных случаях мужья запрещали участвовать в выборах женам и взрослым дочерям, а в случае нарушения запрета избивали их [10, 11].

В сельской местности, несмотря на все усилия советских и партийных работников, а также используемую агитацию, не удалось принципиально изменить ситуацию с женским абсентеизмом. Большинство женщин, не желая идти на конфликт с мужьями или отцами и не испытывая особого интереса к выборам (зачастую и не понимая смысла происходившего), не принимали участия в выборных собраниях. На выборах в сельские советы в 1924 г. приняло участие 19,9 % женщин, в 1925 г. – 28,7, в 1926/27 гг. – 30,1, в 1928/29 гг. – 36,9 % [2, с. 13; 20, с. 17]. Как отмечалось в отчетах, более активное участие в выборах принимали вдовы, жены красноармейцев, т.е. женщины, ставшие главами семей и принимавшие самостоятельные решения.

Помимо уже перечисленных причин абсентеизма, отказ от участия в выборах в 1920-е гг. являлся осознанным проявлением протеста против использования на выборах жесткого административного ресурса, формализации самого процесса выборов. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась в ходе выборных кампаний 1922–1924 гг. Это было распространенной реакцией как горожан, так и крестьян. Председатели местных советов и исполкомов (волостных, уездных, районных) настаивали на выдвижении и избрании непопулярных кандидатур, чем вызывали как пассивный, так и открытый протест населения. В Куцевском районе Донского округа «крестьяне протестовали против выставленных списков молчаливым отказом голосовать» [12]. Применение прямого административного нажима приводило к отказу крестьян являться на выборные собрания, такие факты были зафиксированы в Воронежской и Новониколаевской губерниях, где крестьяне сообщали проверявшим: «Иди не иди, все равно выберут того, кого захочет власть и сделают так, как захочется власти» [5].

Аналогичные настроения были выявлены и у ядерного электората большевиков – у пролетарских городских слоев населения. Рабочие отказывались идти на выборы, не желая тратить время на формальную процедуру [13]. Фактически от рабочих требовалась лишь формальная поддержка заранее утвержденного комитетом партии кандидата в депутаты. Дополнительной причиной низкой активности горожан на выборах стала формальная работа горсоветов, отсутствие у них собственных бюджетов, и даже исполкомов, и от их деятельности не зависело решение насущных городских проблем.

Сложившаяся ситуация серьезно встревожила руководство страны. Массовый абсентеизм на выборах 1924 г. был признан недопустимым явлением, в результате была проведена массовая кассация (отмена) результатов выборов. 29 декабря 1924 г. Президиум ЦИК СССР постановил отменить результаты выборов и провести перевыборы там, где проголосовали менее 35 % избирателей или имелись жалобы граждан на незаконные действия органов, руководивших выборами [14].

Причиной столь неординарных мероприятий советской власти стали опасения об устойчивости режима. Определенной части большевистского руководства стало очевидно, что население потеряло интерес к выборам и

советам, советские низовые работники утрачивали остатки авторитета у населения, что могло со временем привести к проблемам удержания власти. Методы военного коммунизма (жесткого административного давления) исчерпали себя в период нэпа и актуализировали вопрос о демократизации политической и избирательной систем, которые выразились в объявленной политике «оживления советов».

В целом в ходе кампании 1924 г. руководство большевиков пересмотрело отношение к неучастию населения на выборах. Если в начале 1920-х гг. власть относилась либо безразлично к абсентеизму, либо даже поощряла неучастие ряда категорий населения на выборах (например, непролетарских слоев городского населения). Объяснялась эта позиция тем, что приоритетной задачей на выборах в начале 1920-х гг. было избрание лояльных кандидатов новой власти, желательно из числа большевиков, при этом способ достижения поставленной задачи не имел принципиального значения. Неучастие в выборах нелояльных слоев населения вполне устраивало новую власть.

Однако как только обозначилась опасность удержания власти, проблемы с поддержкой населения, отношение к абсентеизму изменилось на противоположное, абсентеизм был признан недопустимым явлением, стали разрабатываться различные меры по его преодолению. Решение проблемы виделось в демократизации избирательных процедур и расширении социальной поддержки. В 1924–1925 гг. такой поворот был обусловлен общей либерализацией режима во всех сферах [23].

Реализация политики «оживления Советов» в 1925 г. существенно демократизировала многие избирательные процедуры, в частности, впервые к участию в выборах привлекались горожане, не являвшиеся членами профсоюзов, был расширен круг избирателей, уменьшено административное давление со стороны местных партийных и советских работников [22]. Существенно изменился характер самих предвыборных и выборных собраний. В отсутствие жесткого административного давления они стали проходить оживленно, на них звучали критические отзывы о советских и партийных руководителях, депутатах, советской власти [15, 16, 29]. Массовым стало забаллотирование выборными собраниями заранее утвержденных списков или кандидатов в депутаты партий, выдвижение собственных кандидатов [13, 29]. Избирательные собрания приобретали неформальный характер, избиратели надеялись повлиять на власть, решить городские проблемы или крестьянской общины [17]. Все это привлекало избирателей на выборы.

Более свободный и открытый характер проведения выборов оказался эффективным способом борьбы с абсентеизмом населения. Помимо ослабления административного нажима на население, стали совершенствоваться и методы предвыборной агитации в качестве меры по преодолению абсентеизма.

Задача по повышению явки населения на выборы была воспринята как очередная задача для проведения массовой агитационной кампании. Главной задачей предвыборной агитации 1920-х гг. стало привлечение внимания любыми способами к участию в выборах. Вторая половина 1920-х гг. – период становления методов советской предвыборной агитации. Помимо использования традиционных методов, направленных на информирование

населения о проведении выборов (оповещение с помощью повесток, объявлений в газетах, по радио, а также методов наглядной агитации – плакатов, листовок, лозунгов), применялись и нестандартные методы агитации. Распространенными методами агитации по всей стране становятся проведение митингов, демонстраций, факельных шествий, ледовых представлений, состязаний-маскарадов, театральных инсценировок.

Среди применявшихся методов были и весьма оригинальные находки: в Иркутске предвыборный карнавал начался хоккейным матчем «избирателей» и «лишенцев». Играющие за «лишенцев» были одеты в костюмы бывших белых офицеров, кулаков, нэпманов, ворота защищал «поп», игроки команды «избирателей» выступали в одежде красноармейцев, рабочих и комсомольцев, вратарем был «уполномоченный РКИ». Матч вызвал огромный интерес и закончился вничью [1, с. 114]. Популярной формой агитации были инсценированные «агитационные суды» (жанр массового театрализованного зрелища 1920-х гг.). Все происходило как на судебном процессе – судья, прокурор, адвокат, обвиняемые (пассивные и скомпрометировавшие себя депутаты), свидетели. Проводимые комсомольцами импровизированные «агитсуды» вызывали живой интерес населения [1, с. 107–108].

Энергичные действия власти в этом направлении были оценены населением, уже выборы 1925 г. значительно активизировали участие на выборах как в городах, так и в сельской местности. Так, активность избирателей на выборах в сельсоветы в 1925/26 гг. составила 47,3 %, в городах РСФСР – 52,2 % [2, с. 13, 47].

Однако проведение относительно либеральной выборной кампании 1925 г. серьезно беспокоило руководство страны неуправляемостью кампании, политическими требованиями свободных выборов, непролетарским составом советов и т.д. Стало очевидно, что местные советские и партийные работники оказались не готовы к неконтролируемой активности населения на выборах, выдвижению требований и критике действий властей. Большевики всерьез опасались, что продолжение политики по либерализации режима и демократизации выборов приведет к существенно большим проблемам с удержанием власти, чем массовый абсентеизм начала 1920-х гг.

К преодолению ситуации руководство страны приняло ряд превентивных мер: лишив избирательных прав ряд влиятельных категорий населения, допуская манипуляции с нормами представительства в пользу лояльных пролетарских слоев населения и предельно активизировав агрессивные методы агитации [30].

Перед региональными советскими и партийными органами ставилась сложно выполнимая задача: при высокой явке населения на выборы обеспечить избрание лояльных большевикам кандидатов. Не всегда это удавалось, особенно применительно к непролетарским городским слоям населения. Убеждать кандидаты и представители власти зачастую не умели, поэтому пользовались проверенным административным ресурсом.

Выборы 1925/26 гг. были единственной кампанией, когда использование административного ресурса было существенно ограничено. Начиная с кампании 1926/27 гг. и особенно в кампанию 1928/29 гг., стали проявляться негативные тенденции жесткой заорганизованности выборных собраний, принудительности участия на выборах для пролетарских слоев населения,

красноармейцев и служащих. Случаи неучастия в выборах стали подаваться как результат антисоветской агитации, чьих-то подрывных действий [18]. Впоследствии это станет нормой для избирательных кампаний 1930-х гг.

На непролетарское население городов оказывать давление на выборах было значительно сложнее. Явку этих слоев удалось обеспечить за счет агрессивной агитации и достаточно высокого интереса к выборам. Явка непролетарских слоев населения постепенно росла, на выборах в 1925 г. составляла 39,4 %, в 1926/27 гг. – 43,2, в 1928/29 гг. – 58,5 % [21, с. 9]. Однако справиться с проявлениями нелояльности этих групп населения не удавалось. Мелкие собственники города (кустари, ремесленники, извозчики и т.д.), домохозяйки, учащиеся рассматривали участие в выборных собраниях как возможность выразить недовольство накопившимися проблемами, выдвинуть требования к представителям власти, подвергнуть критике советскую власть и реализуемую ей политику, дать наказания кандидатам и т.д. В кампанию 1928/29 гг., несмотря на высокую явку населения, оставались массовыми факты нелояльного поведения на выборах, забаллотирования кандидатов, выдвинутых партией и выдвижение собственных кандидатов.

Большевики, ставя задачу преодоления абсентеизма во второй половине 1920-х гг., смогли ее эффективно решить. Им удалось преодолеть массовый абсентеизм избирателей как в городе, так и деревне. Явка на выборы во второй половине 1920-х гг. повышалась, составляя на выборах в сельсоветы в 1926/27 гг. – 47,6 %, в 1928/29 гг. – 60,7 %, в городах в 1926/27 гг. – 59,0 %, 1928/29 гг. – 70,5 % [20, с. 16; 21, с. 9]. Городское население в большей степени оказалось готово к участию женщин в избирательном процессе. Мужчины в городах относились к участию женщин на выборах вполне лояльно (даже домохозяек), не противодействуя этому. Большевики, приложив определенные усилия по агитации во второй половине 1920-х гг., смогли значительно повысить интерес к участию в выборах женского населения в городах. Активность женщин и мужчин на выборах в городах во второй половине 1920-х гг. отличалась несущественно: в 1926 г. приняло участие на выборах 50,4 % – женщин и 67,3 % – мужчин, и в 1928/29 гг. женщин – 70,5 %, мужчин – 76,3 % [21, с. 9].

Руководители на местах справились с техническими проблемами организации выборных собраний, служивших причинами низкой активности населения. Были найдены оптимальные сроки, размеры избирательных участков, помещения для проведения выборов и т.д. Большевикам удалось использовать оптимальный набор предвыборных агитационных средств, позволивших существенно поднять явку населения. Абсентеизм к концу 1920-х гг. перестал быть формой массового протеста на выборах, протестные настроения выражались в ходе выборных собраний. Неудача постигла власть лишь в преодолении абсентеизма женщин в сельской местности, несмотря на все прикладываемые организационные и агитационные усилия, традицию участия в выборах в деревне в качестве мужского занятия переломить не удалось.

В 1920-е гг. отношение большевиков к абсентеизму менялось от безразличного до нетерпимого. Преодолевая массовый абсентеизм, большевики продемонстрировали высокую степень гибкости политики, готовность признавать ошибки, отменять результаты выборов. Власть достаточно

чутко реагировала на требования общества, применяя различные методы взаимодействия с населением. Советские и партийные руководители вступали с населением в диалог, старались убедить в своей правоте, но в случае возникновения угрозы удержания власти возвращались к использованию проверенного временем административного ресурса.

Литература

1. Андреев В.П. Руководство Коммунистической партией городскими советами РСФСР (1926–1937). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 227 с.
2. Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 1 (городские советы, сельские советы, волсъезды, волисполкомы) / Под ред. С.М. Гурвича, Н.А. Кокотова. Статистический сборник. М.: Изд-во НКВД, 1926. 256 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 330.
4. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 89. Л. 140–159.
5. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 310.
6. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 721. Л. 8.
7. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 104. Д. 18. Л. 186–189.
8. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 104. Д. 22. Л. 319.
9. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 106. Д. 529. Л. 278.
10. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 721. Л. 34;
11. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 82. Л. 50.
12. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 309.
13. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 637. Л. 111.
14. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 282. Л. 8.
15. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 538. Л. 12.
16. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 70–71.
17. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 104. Д. 20. Л. 46.
18. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 106. Д. 534. Л. 47–48.
19. Гурвич С. Выборная кампания в деревне в 1924 г. // Власть Советов. 1925. № 11. С. 10–12.
20. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. I. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. Статистический сборник. М.: Изд-во «Власть Советов», 1930. 401 с.
21. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. II. Выборы в городские советы. Статистический сборник. М.: Изд-во «Власть Советов», 1930. 153 с.
22. Итоги работ Совещания по советскому строительству // Власть Советов. 1925. № 15. С. 1–4.
23. Калинин М. Основные вопросы нашей внутренней политики // Власть Советов. 1925. № 1. С. 6–7.
24. Корчагин Д.М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Причерноморья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 26 с.
25. Красников В.В. Формирование системы местной власти в 1921–1925 гг. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. 24 с.
26. Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1936 гг.). М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1968. 174 с.
27. Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью Западно-сибирской деревни в условиях социалистической реконструкции. (1926–1937 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. 412 с.
28. Лепешкин А.И. Советы – власть трудящихся (1917–1936 гг.). М.: Юрид. лит-ра, 1966. 575 с.

29. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 69. Д. 349. Л. 31.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 83–84.
31. *Тютюник М.В.* Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920–1924 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2009. 24 с.
32. *Юдин А.Н.* Сельские Советы Тамбовской губернии в 1921–1924 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. 24 с.
33. *Яцук Т.Ф.* Организация местной власти в РСФСР. 1921–1929 гг. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. 592 с.

Bibliography

1. *Andreev V.P.* Rukovodstvo Kommunisticheskoy partiej gorodskimi sovetami RSFSR (1926–1937). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1990. 227 p.
2. Vybory v Sovety RSFSR v 1925–1926 gg. Ch.1. (gorodskie sovery, sel'skie sovery, vols#ezdy, volispolkomy) / Pod red. S.M. Gurvicha, N.A. Kokotova. Statisticheskij sbornik. M.: Izd-vo NKVD, 1926. 256 p.
3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (dalee – GARF). F. 1235. Op. 101. D. 151. L. 330.
4. GARF F. 1235. Op. 103. D. 89. L. 140–159.
5. GARF F. 1235. Op. 101. D. 151. L. 310.
6. GARF F. 1235. Op. 103. D. 721. L. 8.
7. GARF F. 1235. Op. 104. D. 18. L. 186–189.
8. GARF F. 1235. Op. 104. D. 22. L. 319.
9. GARF F. 1235. Op. 106. D. 529. L. 278.
10. GARF F. 1235. Op. 103. D. 721. L. 34;
11. GARF F. 1235. Op. 103. D. 82. L. 50.
12. GARF F. 1235. Op. 101. D. 151. L. 309.
13. GARF F. 1235. Op. 103. D. 637. L. 111.
14. GARF F. 3316. Op. 20. D. 282. L. 8.
15. GARF F. 1235. Op. 103. D. 538. L. 12.
16. GARF F. 1235. Op. 106. D. 534. L. 70–71.
17. GARF F. 1235. Op. 104. D. 20. L. 46.
18. GARF F. 1235. Op. 106. D. 534. L. 47–48.
19. *Gurvich S.* Vybornaja kampanija v derevne v 1924 g. // *Vlast' Sovetov.* 1925. № 11. P. 10–12.
20. Itogi vyborov v Sovety RSFSR v 1929 g. Vyp. I. Vybory v sel'skie, volostnye, rajonnye organy vlasti. Statisticheskij sbornik. M.: Izd-vo «Vlast' Sovetov», 1930. 401 p.
21. Itogi vyborov v Sovety RSFSR v 1929 g. Vyp. II. Vybory v gorodskie sovery. Statisticheskij sbornik. M.: Izd-vo «Vlast' Sovetov», 1930. 153 p.
22. Itogi rabot Soveshhanija po sovetскому stroitel'stvu // *Vlast' Sovetov.* 1925. № 15. P. 1–4.
23. *Kalinin M.* Osnovnye voprosy nashej vnutrennej politiki // *Vlast' Sovetov.* 1925. № 1. P. 6–7.
24. *Korchagin D.M.* Sovetskie izbiratel'nye kampanii 1920-h gg. (na materialah Kubano-Prichernomor'ja): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2003. 26 p.
25. *Krasnikov V.V.* Formirovanie sistemy mestnoj vlasti v 1921–1925 gg. (na materialah Tambovskoj gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2003. 24 p.
26. *Kukushkin Ju.S.* Sel'skie Sovety i klassovaja bor'ba v derevne (1921–1936 gg.). M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1968. 174 p.
27. *Kupert Ju.V.* Rukovodstvo Kommunisticheskoy partii obshhestvenno-politicheskoy zhizn'ju Zapadno-sibirskoj derevni v uslovijah socialisticheskoy rekonstrukcii. (1926–1937 gg.). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1982. 412 p.

28. *Lepeshkin A.I.* Sovety – vlast' trudjashhihsja (1917–1936 gg.). M.: Jurid. lit-ra, 1966. 575 p.
29. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (dalee – RGASPI). F.17. Op. 69. D. 349. L. 31.
30. RGASPI. F.17. OP.85. D.19. L. 83–84.
31. *Tjutjunik M.V.* Regional'nyj izbiratel'nyj process i formirovanie sistemy mestnyh Sovetov RSFSR v 1920–1924 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Slavjansk-na-Kubani., 2009. 24 p.
32. *Judin A.N.* Sel'skie Sovety Tambovskoj gubernii v 1921–1924 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2005. 24 p.
33. *Jashhuk T.F.* Organizacija mestnoj vlasti v RSFSR. 1921–1929 gg. Omsk: Izd-vo OmGU, 2007. 592 p.